

Две пьесы о Сталине: «Батум» М. Булгакова и «Юность вождя» Г. Нахуцришвили

В статье сравниваются пьесы «Батум» (1939) М. А. Булгакова и «Юность вождя» (1949) Г. Д. Нахуцришвили. Обе посвящены молодым годам Сталина (в «Батуме» речь идет о батумской демонстрации 1902 г., в «Юности вождя» — о забастовке железнодорожных рабочих в Тифлисе) и опираются на версию событий, изложенную Л. Берией. Несмотря на огромную разницу в литературном качестве текста и разную историческую ситуацию, в которой писались пьесы, в них прослеживается немало общего. Оба произведения не были одобрены Сталиным. Уделяется внимание также пьесам Нахуцришвили «Ладо Кецховели» (1939) и «Великий памятник» (1950–1951).

The article compares two plays: “Batum” (1939) by M. A. Bulgakov and “The Youth of the Leader” (1949) by G. D. Nakhutsrishvili. Both are dedicated to Stalin’s young years (“Batum” tells about the Batum demonstration of 1902, “The Youth of the Leader” is about the strike of railway workers in Tiflis in 1898), and both are based on the version of events given by L. Beria. Despite the enormous difference in the literary quality of the text and different historical context in which the plays were created, the two have a lot in common. Both works were not approved for staging by Stalin. The author also addresses plays by Nakhutsrishvili “Lado Ketskhoveli” (1939) and “The Great Memorial” (1950–1951).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. А. Булгаков, Г. Д. Нахуцришвили, И. В. Сталин, Грузия, «Батум», «Юность вождя», «Ладо Кецховели», «Великий памятник», драматургия, советский театр.

KEYWORDS: M. A. Bulgakov, G. D. Nakhutsrishvili, I. V. Stalin, Georgia, “Youth of the Leader”, “Batum”, “Lado Ketskhoveli”, “The Great Memorial”, dramatic art, Soviet theater.

В повести Леонида Зорина «Юпитер» (2005) есть внутренний монолог Сталина, адресованный М. Булгакову. Сталин произносит его в последний год своей жизни:

Немирович-Данченко даже сказал, что «Батум» неплох. И в самом деле, разве он хуже, чем та же пьеса Нахуцришвили о моей юности? Даже лучше. Но ты ведь не тифлисский ремесленник. Если ты так оберегаешь свою бесценную репутацию, изволь соответствовать ее уровню. Не смог. Безжизненные слова. Не то что нет крови — ни цвета, ни запаха. «Я послан тифлисским комитетом, чтобы поднять батумских рабочих на борьбу...» Скука. У Шиллера бунтари и мятежники разговаривали совсем иначе¹.

Автор предполагает, что от Булгакова, раз уж он взялся за такую тему, Сталин ждал пьесы уровня Шиллера, однако был разочарован.

Но кто тот тифлисский ремесленник и что за пьеса имеется в виду?

Речь идет о Георгии Нахуцришвили и его пьесе «Юность вождя»², написанной в 1949 году, спустя десятилетие после булгаковского «Батума».

Любопытным образом и Булгаков, и Нахуцришвили не только обращаются к одному и тому же периоду жизни Сталина, но финал пьесы Нахуцришвили практически становится началом пьесы Булгакова. Тбилисский драматург взял еще более ранний период биографии Сталина: он написал про время, когда будущий генералиссимус еще учился в семинарии. Сталин появляется на сцене совсем юным и обращается к более опытным русским революционерам со словами: «Сосо. Я пришел к вам не только для того, чтобы помочь вам в учебе, но и поучиться у вас революционной борьбе» (29). Правда заметим, что молодой человек, который еще только собирается учиться революционной борьбе, уже сразу объявляет, что готов помочь старшим товарищам в учебе: пьеса Нахуцришвили писалась в момент, когда культ личности вождя достиг своей кульминации.

Георгий Нахуцришвили — грузинский драматург (родился в 1902 году, дата смерти неизвестна).

РГАЛИ скуп на документы, связанные с этим автором. В списке³ драматургов — членов и кандидатов в члены Союза советских писателей⁴ Георгий Давидович Наху-

пришвили упомянут под номером 77. Указан год рождения — 1902, начало литературной деятельности — 1920, в графе «Где состоит на штатной работе» написано — «дома».

Из другого документа выясняется, где находится этот дом: Тбилиси, улица Перовской, 2. Перечислены пьесы: «Комбле» (1939), «Маленькие вояки» (1940), «Прорыв» (1941), «Приказ выполнен» (1943). Пьесы «Ладо Кецховели» (1939), «Юность вождя» (1949) и «Великий памятник» (1950–1951) не упомянуты.

Нахуцришвили писал на грузинском и затем переводил свои произведения на русский — либо сам, либо с чужой помощью. Пьеса «Ладо Кецховели», изданная в 1940 году, переведена Шалвой Сослани⁵, пьеса «Комбле»⁶ — Верой Смирновой. Фамилия автора «Ладо Кецховели» написана как Нахуцрешвили, указан также его соавтор — Борис Гамрекели. На обложке пьесы «Комбле», изданной в 1945 году, Нахуцришвили указан как Нахоцришвили. Единственный документ, написанный рукой драматурга, который удалось обнаружить в РГАЛИ, — это письмо советскому театроведу А. В. Февральскому от 1954 года: Нахуцришвили писал критику, что ему очень нужно найти переводчика для пьесы «Мчелкац»⁷ (письмо, впрочем, написано на прекрасном русском языке).

Пьеса «Юность вождя» была опубликована в книге «Пьесы советских грузинских драматургов» в 1951 году под литературной редакцией Н. К. Чуковского⁸.

Спектакль по пьесе «Юность вождя» вышел в театре имени К. С. Станиславского в постановке Михаила Яншина в 1952 году. Художником выступил Борис Эрдман, Сталина сыграл Алексей Головин, одного из семинаристов — Евгений Леонов. Ожидался большой успех, чуть ли не Сталинская премия. Однако через два месяца спектакль сняли. По легенде, Сталин (не пришедший на премьеру) прочитал пьесу и сказал: «Я таким не был»⁹.

Свидетельств о спектакле осталось немного. Актер и режиссер театра имени К. С. Станиславского Николай Дупак, занятый в спектакле, а впоследствии директор Театра на Таганке, вспоминал о том, как Александр Фадеев рассказывал актерам, почему Сталин не пришел на спектакль:

Зачитали «Юность вождя» Сталинской премии. Сидит вождь у окошка, курит. Пауза. «Дорогие товарищи, к великому сожалению, я не смог посмотреть этот спектакль. Умер Чойбалсан.

Я счел бестактным идти на спектакль после смерти товарища, руководителя монгольских коммунистов. Я попросил текст пьесы. Я прочитал пьесу. Товарищ Нахуцришвили буквально с пеленок делает меня революционером. А я был простой грузинский семинарист. И что-то появилось очень много этих спектаклей в театре. «Юность вождя», потом спектакль в Театре юного зрителя. Очень много мальчиков появилось, этих самых Сосо. Это нехорошо. Ни к чему»¹⁰.

«Юность вождя»

Действие пьесы «Юность вождя» разворачивается в 1896–1898 годах, то есть в ней Сталину всего 17–19 лет. Нахуцришвили делает своего героя еще более молодым, чем Булгаков, словно пытаюсь докопаться: когда же Сосо стал Сталиным? Выходило, что едва ли не с самого отрочества. Образ Сталина у Нахуцришвили отличается от булгаковского. В «Батуме» у Сосо и впрямь нет особых примет. Он не эмоционален, в нем нет никакой яркости. В «Юности вождя» Сталин — это пылкий юноша, иногда восторженный, поэт, невероятно начитанный для своих лет, и к тому же тонко разбирающийся в политике.

Место действия пьесы — Тифлис, в центре событий — забастовка на железной дороге.

Сталин здесь пока учащийся семинарии, но в финале пьесы над ним уже сгустились тучи. Сцена исключения Сталина написана с большим количеством подробностей. Иеромонах Димитрий Абашидзе, инспектор семинарии, а также сам ректор, архимандрит Гермоген, вызывают Сосо в учительскую комнату.

Сосо. Отец ректор! Вы меня спрашивали?

Гермоген. Да, я спрашивал. Закрой дверь и подойди поближе.

Сосо подходит к столу.

Сокрушаюсь и скорблю душевно, сын мой, глядя на тебя. Такой толковый, такой способный юноша, а ведешь себя из рук вон плохо. Дерзишь начальству! Уходишь из семинарии вопреки строжайшему запрещению. Приходишь поздно ночью! <...> В ближайшее же время вопрос о тебе будет поставлен на педагогическом совете, и я выгоню тебя из семинарии!

Сосо. Воля ваша! Как вам будет угодно (102–103).

В «Юности вождя» начальство, скорее, симпатизирует Сосо и до последнего не хочет верить в то, что он замешан в революционной деятельности. Сосо пишет яркие сочинения, он явно на голову выше остальных семинаристов.

Но и здесь, как в «Батуме», Сосо держится независимо, с чувством собственного достоинства, никого не боится.

Абашидзе (*возмущен*). Гм! Ни тени раскаяния... Другой на твоём месте на коленях бы ползал, моля о прощении... Такой даровитый юноша и так бессмысленно губишь себя. А теперь куда ты пойдешь? Куда, говорю, ты пойдешь?! Ведь мы дадим тебе такой билет...

Сосо. Можете обо мне не беспокоиться! Я сам знаю, куда мне идти... (*Идет к выходу*).

Свет гаснет. Доносится рев железнодорожного гудка, который все усиливается. На этом фоне возникает революционная песня, которая все приближается и нарастает. Сцена освещается. С боевой революционной песней и с красным знаменем выходит рабочая демонстрация, во главе которой идет молодой Сталин (104).

Этими словами Нахуцришвили заканчивает пьесу: Сосо превращается в Сталина. У Булгакова герой называется Сталиным с самого начала, хотя другие персонажи обращаются к нему иначе: Сосо, учитель и т. д.

Булгаков словно подхватывает нить повествования. У Нахуцришвили Сталину только грозят волчьим билетом, у Булгакова Сталин его получает:

Ректор. Постановлением правления Тифлисской духовной семинарии воспитанник шестого класса Иосиф Джугашвили исключается из нее за принадлежность к противоправительственным кружкам, без права поступления в иное учебное заведение.

Инспектор. Получите билет и распишитесь.

Сталин. Он называется волчий, если я не ошибаюсь?

Инспектор. Оставьте ваши выходки, пишите имя и фамилию.

Сталин расписывается и получает билет.

Инспектор (*удаляясь*). Лучше подумали бы о том, что вас ждет в дальнейшем. Дадут знать о вас полиции...¹¹

И Нахуцришвили, и Булгаков обозначают рубеж: семинарист Сосо исключен, появляется революционер Сталин.

Среди кавказских социал-демократов Сталин стал известен именно после Батумских событий 1902 года. Когда Лаврентий Берия в 1930-е годы формировал каноническую версию ранних лет биографии Сталина, он сделал батумскую демонстрацию центральным эпизодом своего повествования и даже издал отдельную книгу — «Батумская демонстрация 1902 года». Булгаков, взявшись писать про молодого Сталина, выбрал данный сюжет. Напротив, Нахуцришвили решил изобразить будущего вождя в годы самой нежной юности. При этом автору приходится совершить некоторое насилие не только над историческими фактами, но даже и над версией, предлагаемой Берией: в качестве лидера забастовки Сталин теперь выступает не в Батуме, а еще в Тифлисе. Хотя во время стачки железнодорожных рабочих Сосо еще никак не мог претендовать на первые роли. Согласно авторской идее, все необходимые черты будущего генералиссимуса имелись у Сталина с самого начала.

Итак, оба драматурга рассказывают о Сталине как организаторе забастовки. В «Юности вождя» есть примерно те же сюжетные узлы, что и в «Батуме»: конфликты с семинарским начальством, революционная деятельность Сосо, драматичная политическая борьба, жестокость властей, розыск загадочного молодого революционера и даже конспиративное собрание, слегка напоминающее встречу Нового года в «Батуме». Все это, разумеется, «совсем уже слабый раствор», если пользоваться выражением Набокова.

Снова Берия как источник

Что общего у «Батума» и «Юности вождя»?

Для начала, сочинения одного и того же авторитетного автора, Лаврентия Павловича Берии, в качестве источника. Булгаков, сочиняя «Батум», вдохновлялся книгой Берии «Батумская демонстрация», Нахуцришвили использовал текст «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании Тифлисского партактива 21–22 июля 1935 г.»¹². Оба драматурга тщательно проработали свой материал, однако кажется, что Нахуцришвили чуть свободнее чувствует себя в грузинских раскладах, чем Булгаков. Похоже, он более подкован в официальной истории большевизма и не боится углубляться в тонкости политических и фракционных противоречий тех лет.

Сталин в «Юности вождя» появляется на сцене еще будучи членом грузинской национальной организации «Месаме-даси»¹³. В пьесе отражены разногласия между группой Сталина (в нее входит Ладо Кецховели и Саша Цулукидзе, и они пока — в меньшинстве) и группой Ноя Жордания (издающей газету «Квали»), представителем большинства месаме-дасистов. Многие революционеры, о которых говорит Берия в своем докладе, упомянуты и в пьесе (среди них Ной Жордания, Иосиф Коган, Франчески, а Иван Лузин и Севериан Джугели являются важными действующими лицами). Между прочим, эти деятели упоминаются и в «Батуме»:

Сталин. ...У вас месаме-дасисты работали?

Вано. Да. Но мы хотим с вами объединиться для борьбы.

Сталин. Правильно. Ты читал статью Ноя в «Квали»?

Вано. Читал.

Сталин. Ну, скажи сам, к чему будут годны люди, которых они воспитывают такой литературой? Интеллигентные черно-книжники.

Видно, что Булгаков читал и доклад Берии. Но Нахуцришвили еще и подробно излагает суть разногласий между молодыми марксистами, к которым относится Сталин, и будущим идеологом меньшевиков Ноем Жордания.

Если Булгаков при работе над «Батумом» почти дословно воспроизводит некоторые фразы из книги «Батумская демонстрация»¹⁴, то Нахуцришвили лишь руководствуется текстом Берии, но свой пишет самостоятельно.

Берия начинает повествование с того, что «первые семена марксизма были занесены в Закавказье в первой половине 1890-х годов высланными царским правительством из центральных районов России русскими социал-демократами (Иосифом Коганом, Иваном Лузиным, Северианом Джугели, Франчески и др.), с одной стороны, и легальными марксистами из грузин, побывавшими за границей (Ноем Жордания, Карло Чхеидзе и др.), — с другой»¹⁵.

Далее мы узнаем, что «первой марксистской социал-демократической организацией в Грузии была «Месаме-даси», группа Ноя Жордания (1893–1898), которая проповедовала марксизм в грузинской легальной печати (газеты «Квали», «Моамбе») в Тифлисе, представлявшем тогда центр всего Закавказья. Пьеса Нахуцришвили аккуратно следует этой канве. Идеологом и автором всех программных трудов

«Месаме-даси» являлся Ной Жордания. Он, по словам Берии, «отстаивал необходимость и прогрессивность капиталистического развития, идею союза пролетариата с либеральной буржуазией и проповедовал идею национального возрождения Грузии», а также «никогда не доходил до марксистского понимания классовой борьбы пролетариата». Более того, «Ной Жордания и большинство из „Месаме-даси“ отрицали идею гегемонии пролетариата в революционном движении и необходимость пролетарской революции и диктатуры пролетариата». К тому же «в национальном вопросе группа Жордания с самого начала занимала националистическую позицию»¹⁶.

Как и другие социал-демократические группы, «Месаме-даси» довольно быстро разделилась на умеренных и радикалов, из которых потом выросли партии большевиков и меньшевиков. Специфика Грузии была, однако, в том, что левое крыло «Месаме-даси» оказалось в меньшинстве. Да и позднее большевистское течение здесь было заметно слабее, чем меньшевистское.

В «Юности вождя» умеренное крыло «Месаме-даси» представлено историческим лицом — Северианом Джугели. Драматург вкладывает в его уста программный тезис: «Мы должны противопоставить этим иноземным акулам нашу собственную буржуазию, чтобы спасти наш народ от окончательного порабощения!»

Сосо отвечает ему на это: «А разве нашим рабочим не все равно, кто будет их эксплуатировать — грузин или бельгиец?! Социалистическая революция в России освобождает все народы и от социального, и от национального порабощения!» (39).

Вся политическая подоплека событий тех лет, как и в случае с пьесой Булгакова, тщательно сверена с бериевским текстом. Однако Нахуцришвили более свободно раздает реплики своим героям, чем Булгаков. И юный Сталин, конечно, тонко разбирается в политических дискуссиях тифлисских революционеров. Нахуцришвили сначала выводит на сцену русских марксистов, которые осуждают Жорданию и его товарищей за грузинский национализм.

Афанасьев. Приходил человек от грузинских марксистов — «месаме-дасистов».

Лузин. И что же?

Афанасьев. Нас, русских марксистов, приглашают принять

участие в их конференции. Будет докладывать сам Ной Жордания.

Лузин. Мы примем участие лишь как оппоненты! Мы подвергнем их жесточайшей критике за националистические устремления, за искажение основ революционного марксизма... Они совращают рабочих с правильного революционного пути... (5).

Затем на сцене появляется Сталин, который сразу включается в дискуссию и поддерживает позицию русских товарищей.

Политическое образование будущего вождя развивается стремительно. Он читает книгу Ленина «Задачи русских социал-демократов», затем приходит к выводу, что ради изучения марксизма надо ехать «в Москву, а не в Европу, отравленную ревизионизмом Бернштейна... В наше время изучить подлинный революционный марксизм можно только в России» (58).

Очень скоро теоретические дискуссии переходят в практическую плоскость. Забастовка железнодорожных рабочих ставит вопрос о том, как продолжать борьбу. Сосо и Севериан вступают в острую полемику.

Севериан. Мы требуем немедленно прекратить стачку! <...> мы только теперь формируемся в нацию, и в этом деле кровно заинтересован как наш буржуй, так и наш рабочий. <...>

Сосо. Когда рабочий класс свергнет капитализм, исчезнут буржуи всех национальностей. Нам нужен боевой союз рабочих всех национальностей против буржуев всех национальностей... (67).

Пламенный колхидец

Опытные революционеры в пьесе Нахуцришвили относятся к своему младшему товарищу с нежностью и восхищением. Они уже что-то провидят в нем.

Лузин. Знаешь, Федя! Эту «Песню о Соколе» надо будет дать нашему юному другу.

Афанасьев. Семинаристу — Сосо Джугашвили?

Лузин. Да! Именно ему! Ведь он тоже поэт... Из всех тифлиских юношей он нравится мне больше всех. <...>

Афанасьев. Кстати, я его и жду... Слышишь, калитка скрипнула... Это он! <...>

Входит Сосо с книгой в руке (6)¹⁷.

Сталин пока восхищается более опытными революционерами и уважает их авторитет.

Сосо. Иван Иванович! Я так рад, что приехав из Гори в Тифлис, познакомился именно с вами, что я хожу к вам, слушаю ваши интереснейшие беседы и читаю эти замечательные книги (7).

Булгаков, показывающий Сталина уже сложившимся революционером, не позволяет своему герою восхищаться кем-либо, кроме Ленина, который в пьесе не появляется.

Сосо у Нахуцришвили мечтателен, даже восторжен:

...Передо мной открылся совершенно новый мир! Все люди, вся история человечества предстали передо мной в каком-то ином свете, в таком правдивом и истинном, с такой величественной перспективой революционной борьбы и победы рабочего класса, что я готов всю свою жизнь принести в жертву этой борьбе... (7).

Старшие товарищи любят Сосо, но еще слегка поучают его:

Лузин. Хорошо говоришь! Правильно говоришь! Каждый честный, мыслящий человек обязан посвятить свою жизнь борьбе за свержение самодержавия, за грядущее величие нашей любимой России... Но помни, Сосо, что не все пути ведут к победе. Ни народники, считавшие главной силой революции крестьянство, — ни народовольцы, мечтавшие актом цареубийства сокрушить царизм, не достигли, да и не могли достичь цели! И только мы, марксисты, стоим на единственно правильном пути (7).

Оба русских марксиста опекают Сосо:

Лузин. Федя, дай нашему юному другу «Что такое дружба народа»!

И они, так же, как и у Булгакова, спешат произнести фамилию Ленина, хотя этим псевдонимом он назвался только с 1901 года:

Сосо. А что это за книга?

Лузин. Сосо, эту книгу написал Ленин (9).

Параллели

В обеих пьесах есть сцена конспиративного собрания. У Булгакова это встреча Нового года, у Нахуцришвили — сходка железнодорожных рабочих.

Тут надо заметить, что сцена встречи Нового года куда более обширна в первой редакции «Батума», которая носит еще название «Пастырь». В окончательной редакции писатель ее серьезно сократит и переделает, хотя структура останется неизменной¹⁸. Любопытно, что аналогичный эпизод у Нахуцришвили в значительной мере повторяет канву сцены рабочей сходки из пьесы Булгакова.

Город Тифлис. Комната рабочего железнодорожных мастеров Ваню Стурца. Вечерет. Ваню зажигает маленькую керосиновую лампу. На сцене — Захро, Сергей и Сурен. Рабочие вполголоса поют.

Источник счастья, ты иссяк
Для нас, обиженных судьбою!
Пробейся снова — и бедняк
Пусть услаждается тобою.

Мне горестно, что этот мир
Разделен на две половины:
Иным — вся жизнь приятный пир,
Другие же — страдать повинны (25).

У Булгакова люди, пришедшие на собрание, тоже поют, но не революционную песню, а грузинскую праздничную песню «Мравалжамиер».

В «Юности вождя», как и в «Батуме», сходка начинается с ожидания Сталина. Входит Михо, говорит, что не собирался приходить. Сурен объясняет, что сегодня к ним придет новый человек. Михо возражает, что этот новый тоже начнет говорить о звездах, о луне, и о том, как в наших жилах кровь переливается. Входит Севериан (представитель большинства «Месаме-даси»), Ваню объясняет ему, что они ждут нового пропагандиста.

Снаружи доносится свист.

Ваню. Тсс!.. Ребята, Гиго сигнализирует, что привел пропагандиста. Захро! Проводи его сюда. А Гиго пусть покараулит там.

Закро. Сейчас. (*Уходит*).

Сурен (*выглядывает в окно*). Идут!

Все глядят на дверь, входят Сосо и Закро (28).

Сталин приходит и начинает свою речь репликой под статью Городничему: «Я пришел к вам не только для того, чтобы помочь вам в учебе, но и поучиться у вас революционной борьбе» (29). Рабочие просят Сосо разрешить их сомнения:

Закро. Мы хотим знать — неужели рабочие обречены лишь на бесконечные поражения? Неужели для рабочих солнце никогда не взойдет? (30).

Сталин с готовностью отвечает рабочим. Он уже все знает про будущую революцию и очень кратко излагает суть революционного марксизма:

Сосо. Товарищи! Это не фантазия и не утопия! Неизбежность вашей победы научно обоснована великими учеными Марксом и Энгельсом. <...> Нельзя разрушить капитализм одними стачками. Полная победа будет достигнута лишь тогда, когда весь рабочий класс пойдет на штурм своего врага, как единая, крепкая, организованная сила... Решающим средством является социалистическая революция (31).

Заканчивая свою речь, Сталин предупреждает: «В этой великой борьбе будут и жертвы». Интересно, что аналогичная реплика есть в «Пастыре»: «Будут жертвы... Это знайте...» В «Батуме» этих слов нет.

Расходясь, рабочие говорят: «Лучшего учителя нам не найти!» (36). В «Пастыре» Сильвестр в конце собрания произносит: «Итак, да здравствует батумский комитет и его руководитель, наш дорогой учитель!..»

Еще параллели — в стане врага

Параллели между двумя пьесами не ограничиваются описанием рабочих сходов. Оба автора выводят в своих произведениях также и царских чиновников, обсуждающих деятельность Сосо: перед зрителем появляются напуганные представители администрации, которые физически пострадали от рабочих. В «Батуме» это — управляющий заводом

Ваншейдт, которого называли кровопийцей, схватили за пиджак и которому порвали рукав. В «Юности вождя» это — старший мастер железнодорожных мастерских Блюмберг. Ему досталось больше: рабочие избили его палками.

Есть также два похожих разговора о телеграммах. У Булгакова губернатор жалуется на телеграммы, которые ему все шлют и шлют из Батума: «И что случилось с Батумом? Было очаровательное место, тихое, безопасное, а теперь черт знает что там началось!»

У Нахуцришвили аналогичное изумление выражает тифлисский полицмейстер: «Такого еще никогда не было! Департамент полиции шлет нам телеграмму за телеграммой... Требуется объяснений и принятия строжайших мер... Кто мог подумать, что среди этих отсталых туземцев могла зародиться такая страшная язва?» (79).

Нетрудно догадаться, что в обоих случаях источником проблем является молодой Сталин. В пьесе Нахуцришвили полиция только ищет зачинщика: «Организованность и решительность действий мятежников наводит на мысль, что ими руководит какая-то внешняя сила, чья-то сильная рука...» (80), подозревает некоего семинариста.

У Булгакова личность зачинщика известна: «...в Батуме сейчас работает целая группа агитаторов во главе с Пастырем», под этой кличкой скрывается «некий Иосиф Джугашвили». Напротив, в «Юности вождя» семинарское начальство начинает к концу пьесы догадываться, кто руководит забастовщиками.

«Ладо Кецховели»

Обратимся к более близкому к Булгакову материалу — пьесе Нахуцришвили «Ладо Кецховели», написанной практически в одно время с «Батумом», — в 1939 году. Ладо Кецховели — Владимир Захарьевич Кецховели (1876–1903), грузинский революционер, один из основателей газеты «Брдзола», который был застрелен в тюрьме, в Метехском замке, в 1903 году. Как и Сталин, он учился в Тифлисской православной духовной семинарии; в 1893-м, как и Сталин, был исключен. Несмотря на то что в пьесе «Ладо Кецховели» Сталин практически не действует и главным героем является Ладо, последний выступает в тени своего младшего соратника и лишь транслирует его мысли: «Так думает и наш Сосо», «Товарищ Сосо считает...», «товарищ Сосо говорит...» «Сосо

сегодня немного запоздает... а начать совещание он поручил мне»¹⁹. Как только появляется Сосо, Ладо мгновенно отходит в тень, хотя в пьесе Сосо не говорит ни слова.

В 1930-е годы канон изображения Сталина еще не сложился. В пьесе «Ладо Кецховели» Нахуцришвили даже не решается дать Сталину какие-то реплики. Тот просто заходит — с книгами подмышкой. Примечателен в связи с этим разговор между Ладо и другим революционером, Ваном, в подпольной типографии Баку:

Ладо. Ты знаешь что-нибудь о Сосо?

Вано. Мне известно только о батумских событиях...

Ладо. Да, девятое марта — знаменательная дата! Сосо сумел за два месяца организовать в Батуме нелегальные рабочие кружки, сплотить вокруг себя лучших передовых рабочих... Он устроил грандиозную демонстрацию батумских рабочих... Нам трудно оценить все значение этого революционного события в жизни рабочего класса.

Вано. Сейчас в Грузии только и говорят об этом событии.

Ладо. Об этом будут не только говорить... Это выступление явится примером борьбы для всех рабочих Кавказа, для всего рабочего движения России... История не забудет этого дня!²⁰

Тут хочется добавить: «И даже сам Булгаков напишет об этом пьесу». Но грузинский драматург не должен был брать эти сведения из «Батума», достаточно было прочитать книгу Берии «Батумская демонстрация». Однако то, что в пьесе, писавшейся параллельно «Батуму», есть отголоски батумских событий, примечательно. А в пьесе Булгакова, в свою очередь, есть отсылка к истории Ладо Кецховели. Обсуждая судьбу Сталина в ссылке, один из героев восклицает: «Кто поручится, что его не застрелили, как Ладо Кецховели, в тюрьме?»

Пропущенный эпизод

В пьесе Нахуцришвили «Великий памятник», написанной в 1950–1951 годах, Сталин назван «Иосиф (Сосо, Коба, Джугашвили — Сталин)», и действие происходит в Кутайсе, в Сибири и Тифлисе в 1903–1906 годах, то есть после «Батума».

Кажется, что Нахуцришвили специально пропускает эпизод, о котором пишет Булгаков.

Любопытно, что реплика из «Великого памятника»: «...задержать и телеграфировать немедленно. Департаменту полиции... „Приметы: среднего роста... волосы на голове темно-каштановые... производит впечатление обыкновенного человека“...»²¹ рифмуется с булгаковской: «Джугашвили. Телосложение среднее. Голова обыкновенная. Голос баритональный. На левом ухе родинка... „Сообщите впечатление, которое производит его наружность“. Ответ: „Наружность упомянутого лица никакого впечатления не производит“».

И Булгаков, и Нахуцришвили заимствовали это описание у Берии. Оно показалось важным обоим драматургам: видимо, указание на «обыкновенность» внешности будущего вождя должно было контрастировать с выдающимся содержанием личности.

Финал пьесы «Великий памятник» заставляет вспомнить финал «Батума». У Булгакова Сталин бежит из ссылки и возвращается в Грузию зимней ночью. У Нахуцришвили Сталин появляется в Тбилиси тоже зимней холодной ночью, но не забывает сообщить, что прежде побывал в Батуме. Опять злосчастный город, описанный Булгаковым, не становится местом действия, а лишь упоминается.

Трудно представить себе, что Нахуцришвили читал пьесу Булгакова. Но будучи человеком театральным, имея связи в Москве, он не мог не знать о судьбе «Батума».

Никто не знал, почему точно «Батум» вызывал неодобрение Сталина. Но именно эта загадочность, которая была характерна для поведения Сталина в подобных ситуациях, делала тему особенно опасной.

Заключение

Несмотря на разницу в масштабе таланта авторов и десятилетний разрыв между «Батумом» и «Юностью вождя», судьба текстов оказалась в чем-то похожей: они не устроили главного героя. Остается вопрос, на который вряд ли можно найти ответ: мог ли Сталин, прочитав текст Нахуцришвили, задуматься, правильно ли было отклонять пьесу Булгакова? А также два вопроса, ответ на которые, возможно, еще найти удастся: читал ли Нахуцришвили «Батум»? Мог ли Булгаков читать «Ладо Кецохели»?

Примечания

- 1 Текст приводится по изданию: *Зорин Л. Г. Юпитер* // Зорин Л. Г. Проза: В 2 т. М.: Время, 2005. Т. 2.
- 2 Нахуцришвили Г. Юность вождя (1952). См.: РГАЛИ. Ф. 2452. Оп. 3. Ед. хр. 352. В настоящей статье текст приводится по указанному архивному документу с указанием номера листа в круглых скобках.
- 3 Год составления списка обнаружить не удалось.
- 4 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 797. Л. 20.
- 5 Текст приводится по изданию: *Нахуцрешвили Г., Гамрекели Б.* Ладо Кецохели. М.: Искусство, 1940.
- 6 Текст приводится по изданию: *Нахоцришвили Г.* Комбле. М., 1945.
- 7 РГАЛИ. Ф. 2437. Оп. 4. Д. 51. Л. 1–2.
- 8 Пьесы советских грузинских драматургов. Тбилиси: Заря Востока, 1951.
- 9 По воспоминаниям исполнителя роли Сталина Алексея Головина: «Как я вживался в образ Сталина»: рассказ человека, побывавшего полвека в роли «Вождя всех народов» // <http://www.moles.ee/98/Mar/14/9-1.html> (дата обращения: 07.07.2019).
- 10 Кирпич для Театра на Таганке, квартира для Олега Даля и похороны Владимира Высоцкого. Собеседник: Дупак Николай Лукьянович, ведущий: Сейбиль Наталья Владимировна. Беседа записана 4 июля 2016 г. и опубликована 31 мая 2019 г. См.: <http://oralhistory.ru/talks/orh> (дата обращения: 07.07.2019).
- 11 Здесь и далее текст цитируется по источнику: *Булгаков М. А.* Батум // Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов. СПб.: Искусство — СПб, 1994.
- 12 *Берия Л.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье : доклад на собрании Тифлисского партактива 21–22 июля 1935 г. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935.
- 13 «Месами-даси» — литературно-политическая группа, близкая к легальному марксизму, возникла в 1892 году. Первоначально стояла на весьма умеренных позициях, подчеркивая значение социальных реформ и национальных прав для грузинского народа. Впоследствии представители ее умеренной части примкнули к меньшевикам, а леворадикальное крыло, к которому принадлежал и Сталин, — к большевикам.
- 14 Подробно об этом см. [Глущенко].
- 15 *Берия Л.* К вопросу... С. 11.

16 Там же. С. 14.

17 Образ Сосо с книгой, словно сошедший с картины одногодка Нахуцришвили Ираклия Тоидзе «Пламенный колхидец» (1950), присутствует в других пьесах Нахуцришвили. Так, в пьесе «Ладо Кецховели», написанной в 1939 году, тогда же, когда и «Батум», есть ремарка: «Входит молодой Сосо в пальто, в клетчатом кашне, с книгами в руках». И, если продолжать тему живописных изображений молодого Сталина, то сюжет, изображающий, как он читает в ссылке письмо Ленина, вдохновивший многих художников, использован в пьесе Нахуцришвили «Великий памятник», тоже посвященной Сталину.

18 О пьесе «Пастырь» и об этой сцене подробно рассказано в [Глуценко].

19 Цитируется по источнику: РГАЛИ. Ф. 652. Оп. 5. Ед. хр. 351. Л. 27–34.

20 Там же. Л. 67–68.

21 РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 5717. Л. 37.

Литература

Глуценко И. В. «Мравалжамиер». Как Сталин и батумские рабочие праздновали Новый год (версии Берии, Булгакова и рабочих) // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI веков. № 6. М.: ГБУК г. Москвы «Музей М.А. Булгакова», 2018. С. 6–25.